

Дарданская загадка *

Устоявшееся в научной литературе членение палеобалканского языкового ареала (до греческой и латинской ассимиляции его народов) на три больших этнолингвистических массива — фракийский, иллирийский и македонский — не исчерпывает реалий этого пространства. Это членение — не более, чем упрощение, иногда облегчающее лингвисту жизнь, но часто ведущее к абберациям — например, когда возможный лингвистический статус тех или иных племен обсуждают непременно в категориях либо иллирийской, либо фракийской их принадлежности. Или когда сводят генезис албанского языка к соотношению "фракийского" и "иллирийского" вклада — хотя ряд фонетических черт явно должен был отличать раннеалбанский и от фракийских (с дако-мисийскими) и от иллирийских диалектов [Калужская 2001, с. 13-14]. На деле похоже, что, например, на землях западнее Постримонья, охватываемых бассейнами Вардара и Моравы — и до Охридского озера (Лихнитиды) на юго-западе — во II-I тыс. до н. э. могли бытовать несколько самостоятельных "малых" языков. Известно о них немного [Ködderitzsch 1985]. Однако в ряде случаев их реликты обозначают и новую проблематику и возможности новых решений в исторической лингвистике и исторической этнологии данного региона.

Я хочу обсудить круг непростых балканистических вопросов, связанных с этнонимом прославленных в "Илиаде" троянских дарданцев (гом. *Δάρδανοι*, *Дарδάνιοι*). Их имя отложилось в Троаде в названиях города и области *Δάρδαρος*, *Дарδανία* (Strab. XIII, 587, 595-596; St. Byz. s. v. *Δάρδαρος*). Легенда связывала все эти формы с именем героя-предка троянских царей Дардана, якобы приплывшего сюда с Самофракии (Apd. III, 12, 1; Diod. IV, 75), ср. употребление *Дарδανία* в качестве поэтического названия этого острова (Paus. VII, 4, 3; St. Byz. s. v. *Σαμοθράκη*)¹. Древнейшую фиксацию имени дарданцев являет многократное написание *drdny* в египетских надписях начала XIII в. до н. э., где перечисляются вспомогательные отряды хеттской армии Муватталиса II, действовавшие против египтян в битве при Кадеше [Gardiner 1960, с. 57]. Появление дарданцев в этих списках естественно объясняется из договора, незадолго перед тем заключенного Муватталисом с Алаксандусом, правителем Вилусы (Илиона). Алаксандус прямо обещал поставить хеттскому царю союзный отряд в случае войны с Египтом [Garstang — Gurney 1959, с. 105; Гиндин — Цымбурский 1996, с. 109].

В трудах ряда видных палеобалканистов данный троянский этноним получает следующий историко-лингвистический комментарий. Его отождествляют с именем

* Вопросы классической филологии Вып.15. М., 2009.

¹ Специально о "дарданских" мотивах у Гомера см. [Цымбурский 1996], где отслеживаются их функции на трех уровнях организации эпоса. Это — 1) уровень мифо-легендарной информации о родоначальи возводимых к Дардану троянских царей; 2) уровень эпических формул, метрически варьирующих семантический двучлен "троянцы и дарданцы" как торжественный эквивалент к простому этнониму "троянцы" с возможным введением в качестве третьего члена "ликийцев" или "союзников", наконец, 3) уровень особых эпических ролей, закрепляемых Гомером за персонажами, отмеченными эпитетом "дарданцев" или связью с троянской Дарданией.

центрально-балканской племенной группы Δαρδάριοι (Δαρδανιείς, Δαρδανιάται), по античным свидетельствам, населявшей в III в. до н. э. — IV в. н. э. примерно территорию современного автономного края Косово — долину Марга (Моравы), верховья Аксия (Вардара) и Тимока (обзор источников см. [Tomaschek 1980, с. 23-25]). Ту же основу видят в названиях двух кастелей из балканской Дардании и западной Мезии Δαρδά-пара с фракийским элементом -пара 'брод' (?), иногда в македонском топониме Δέρδιον, в личных именах — макед. Δάρδας, вар. Δέρδας, фрак. Dardisa. С подачи Й. фон Гана (1854) эта древняя ономастическая основа Δαρδ(α)-/Δερδ(α)- сближается с албанскими топонимами Dardhë, Dardhëza, Dardhëzeza и др. от алб. dardhë 'груша, грушевое дерево' [Tomaschek 1980, с. 25; Mayer 1957, с. 108; Mayer 1959, с. 33; Detschew 1976, с. 118; Çabej 1977]. В связи с последним Г. Мейер еще отмечал в текстах писателя XIX в. Ф. Сантори редкую диалектную лексему dardán или dardhán 'крестьянин', "Bauer", курьезно толкуя ее в смысле "Birnenzüchter" 'насадитель груш' [Meyer 1891, с. 61]. К этому нужно добавить, что, начиная с С. Бугге [Bugge 1892, с. 164]), в индоевропеистике бытует сближение самого алб. dardhë с греч. ἄχερδος, вар. ἀχράς, -άδος 'дикая груша', др.-макед. ἀγέρδα. ὄγχινη, ἄπιος 'груша' (Нес.) [Pokorny 1959, с. 446; Frisk 1960, с. 9, 199, 203; Mann 1952, с. 34]. Ибо имеем в албанском регулярное развитие анлаутного *g'h- > d-, ср. detg 'свинья' < *g'hoigo-, греч. χοῖρος, dorë 'рука' < *g'hesrā, греч. χεῖρ, dyll(ë) 'воск' < *g'hūlo-, греч. χυλός 'сок' [Mann 1952, с. 34; Орел 1983, с. 23-24]. По реконструкции В. Э. Орла промежуточным вариантом этого развития была праалбанская аффриката *dž, которую он отличает от аффрикаты *dz, продолжавшей и.-е. *g' и дававшей, также и в анлауте, dh- (ср. алб. dhëmb 'зуб' < *g'ombhos, слав. *zobъ, греч. γόμφος 'колышек', алб. dhëndërr 'зять' при слав. *zety, лит. žentas и т. д.). Надо сказать, что если в середине слова следы старой аффрикаты -dz- впрямь засвидетельствованы румынскими заимствованиями из албанского (ср. рум. barză 'аист', мегл. bardzã ~ алб. bardh 'белый' < и.-е. *bhor(Н)g'o-, ср. др.-инд. bhūrja 'береза', слав. *berza; рум. viezure 'барсук' ~ алб. vjedhull то же от алб. vjedh 'краду' < и.-е. *weg'h- 'везти, увозить'), а для анлаута примером развития *g'- может быть алб. dhalle 'кислое молоко' > рум. zağă 'сыворожка', родственное греч. γάλα, γάλακτος 'молоко', — то присутствие какой-то аффрикаты dž- < *g'h- в начальной позиции и последующая деаффрикатизация, переход в смычный, по видимому, остаются чистой конъюнктурой, диктуемой логикой реконструкции (за консультации по исторической фонетике я благодарю И. А. Калужскую). Как бы то ни было, сближение ἄχερδος и dardhë формально вполне корректно замыкает комментарий к имени дарданцев.

Но задумаемся, складываются ли звенья такого комментария в целостную картину? И выглядит ли она исторически и лингвистически достоверной? Надо сказать, что сближение Бугге остается под вопросом пока оно фигурирует как балканский локализм без более глубокой этимологической поддержки². Его с разных

² Намерение Н. Йокля возвести эти слова к и.-е. *g'her-s- 'торчать' как будто бы исконные названия для "терновника" было не совсем справедливо (см. ниже) отвергнуто Я. Фриском за "умозрительностью" [Frisk 1960, с. 199]. Впрочем, еще неудачнее выглядит ход Ю. Покорного, пытающегося под знаком праформы *g'hersdh- объединить это наименование "груши" с известным

сторон подрывают — то альтернативное сравнение *dardhë* с ирл. *draigen* ‘груша’ < и.-е. **dherǵʰ-* [Çabej 1977, с. 391], которое родственно слав. **derza* ‘терн, дереза’, греч. *τέρχιον* ‘поросль’; то попытки объединить *dardhë* аблаутным чередованием с алб. *derdh* ‘насыпать, переполнять’ якобы из и.-е. **dherǵh-* ‘соединять, быть сильным’ [Орел 1989, с. 224-225]; то толкования *ἄχερδος*, *ἄχρας* как будто бы “кавказоидного” субстратного вкрапления в греческом [Николаев 1985, с. 66-67]. Непонятным остается и место алб. диал. *dardhán* ‘крестьянин’ в реконструкции — насколько “насаждение груш” правдоподобно как синекдоха для крестьянского труда вообще?

В моих прежних работах (1987, 1996) я пытался семантически укрепить сопоставление алб. *dardhë* ~ греч. *ἄχερδος*, уточняя смысл последнего термина. Ведь греческий, кроме *ἄχερδος* знает два обозначения для “груши” — *ῥυχίη* и *ἄπιος*, -ου. Для *ῥυχίη* уже гомеровские контексты (Od. VII, 115, 120; XI, 589) — изображение фруктового сада или образ Тантала в “Некийе”, тянущегося за ускользящими плодами, — обнаруживают: речь идет о культивируемом плодовом дереве. Феофраст (HP II, 5, 6) указывает правила посадки для *ἄπιος* и *ῥυχίαι* как и для лавров, миртов и яблонь, а в другом месте восхваляет *ἄπιος* как плод с пьянящим винным соком (CP VI, 14, 4). Эти моменты говорят в пользу этимологии О. Н. Трубачева, возведшего *ἄπιος*, как и лат. *pirus*, к и.-е. **reis-* ‘пихать, толочь’ — в смысле ‘плод с крупчатой мякотью’, с указанием параллели в слав. **gruša*, вар. **kruša*, при **grušiti*/**krušiti* ‘мельчить, ломать’, лит. *kriáušė*, др.-прусск. *stausu* ‘груша’: лит. *krūšti*, *kriaušyti* ‘дробить, толочь’ (ЭССЯ. Т. VII, с. 156-157, т. XIII, с. 47). Если учесть реинтерпретацию В. Н. Топоровым этой этимологии в ключе своего рода “набитости, натолканности” плодов, их раздутости [Топоров 1984, с. 171], то для *ῥυχίη* по семантической аналогии возможно было бы возведение к **oṽk-σ-ιᾶ*, родственному *ῥυκος* ‘груда, масса’, *ῥυκ-ώδης* ‘набухший, разрастающийся’ (обращу внимание на префикс *ᾶ-* в *ἄπιος* либо из **sm̥* со значением “сжатия, охвата”, либо из **en-/*ṽ-*, отражающего ‘помещение внутрь, втискивание’). Груша как культурное дерево высаживается ради плодов — и сорта ее характеризуются по облику плодов, образуя внутреннюю форму номинации.

С *ἄχερδος* (*ἄχρας*) у греков дело обстоит иначе. Феофраст относит его к дикорастущим деревьям (HP I, 4, 1), а плоды его упоминает рядом с желудями (CP II, 8, 2). Аристотель (HA VIII, 6, 4) мельком трактует их как корм для свиней. Для характеристики этого дерева плоды мало важны. Прав Чабей [Çabej 1977, с. 391], отмечая типичность образа дикой груши прежде всего как **колючей поросли** — для *ἄχερδος* в греческой словесности мы обнаруживаем эту коннотацию очень наглядно, идет ли речь о смертельном уколе колючих груш в Ps. Arist. Mir. 143 или о зарослях, ограждающих, по Софоклу (Oed. Col. 1596), спуск в загробный мир. Поэтому, как я уже писал, для этимологизирования *ἄχερδος* исключительно значим контекст “Одиссеи”, XIV, 10, где речь идет о **колючей изгороди**, ограждающей дом

индоевропейским термином для “ячменя”: др.-в.-нем. *gerste*, лат. *hordeum*, алб. *drithë*, может быть, и греч. *κριθή* [Рокорн 1960, с. 446]. Достаточно сравнить консонантизм породняемых Покорным пар слов в албанском (*drithë* : *dardhë*) и в греческом (*κριθή* : *ἄχερδος*), чтобы убедиться в невозводимости этих пар к общему архетипу, — не говорю уже о семантической стороне данной попытки.

свинопаса Эвмея с прилегающим (к дому) участком земли (φυτοῖσιν λάεσσι καὶ ἐθρίγκωσεν ἀχέρδω).

Именно этот пассаж меня побудил истолковать соотношение ἄχερδος: ἀχράς как аблаут префигированной отглагольной основы *sm₀-g'hordo- : *sm₀-g'hrd-, — той же самой, что без префикса представлена в лит. žárdas 'сушильня для льна, гороха, зерна, загон для скота', žárdiena 'огражденный луг', zaĩdis 'огороженный выгон', др.-прусск. sardis 'изгородь', лтш. zards 'сушильня', русск. диал. *зород*, *озород*, блр. *азарод* то же [Pokorny 1959, с. 44; Fraenkel 1965, с. 1290; Фасмер 1967, с. 105]. Если прав П. Кречмер, то разночтения по спискам Itinerarii Antonini могут обнаруживать ту же основу в топониме Mane-zardum, Mane-zordum из Фригии — некоем сатемном эквиваленте к фриг. Mane-gordum 'город Манеса' [Kretschmer 1896, с. 231-232], но см. возражение [Дьяконов 1980, с. 414]. А кроме того — не присутствует ли она во фракийском эпитете Аполлона Ζερδηρός, Ζαιρδαινός³, способном титуловать бога как хранителя двора, ограды, ср. его же греческие эпikleзы из Фракии Αὐλαρκηνός, Αὐλαρχηνός [Detschew 1976, с. 34]? Учитывая, что в этимологических словарях эта основа трактуется как вариант к и.-е. *gherdh- с тем же значением 'ограждать' (слав. *gordъ 'город, крепость', 'сад', 'сарай, гумно', лит. gaĩdas 'загон, хлев, изгородь', гот. gards 'дом' и т. д.), я предполагаю для греческого (и древнемакедонского) такую же смысловую конкретизацию 'ограда' > 'колючее насаждение' > 'конкретный вид растений, служащий таким насаждением', как в серб.-хорв. диал. graja 'терновая изгородь', словц. hrádza 'Lycium europaeum, дереза'. Эти формы, продолжающие слав. *gordja, оказываются в одном ряду со словен. grája 'ограда', 'запруда', 'строительство дома', ст.-чеш. hráze 'глинобитная стена', 'садовая ограда', 'дамба', чеш. hráze 'кол, свая', 'забор', диал. 'шест, жердь', русск. диал. *горожя* 'забор, тын' [ЭССЯ. Т. VII, с. 36]⁴.

Очерченная этимология позволила по-новому подойти к генезису алб. dardhë и dardhán. В dardhë 'груша' < *g'hordā можно видеть то же самое смысловое сужение ("ограда" > "вид колючего насаждения"), что и в греческом и древнемакедонском. Похоже, албанский и древнемакедонский переосмыслили этот дендроним в термин для груши вообще (специальный смысл 'дикая груша' закрепился в албанском за производными dardhçë, dardhiçkë [Mann 1948, с. 67], может быть, сохранившими раннюю семантику термина), тогда как греки называли сорта садовой груши по-другому. Неясно, следует ли из топонима Πισαῖον («Грушевый сад») в Пелагонии, что термин *pisā 'садовая груша' употреблялся также частью ранних македонцев [Mayer 1959, с. 92]. В то же время в алб. dardhán 'крестьянин' можно бы предположить очень старое слово с общим значением 'житель огражденного места', допускающим двоякую конкретизацию: либо в смысле 'хуторянин, работник, трудящийся на огороженном участке' вроде гомеровского Эвмея, что давало бы

³ Этот эпитет, почему-то отсутствующий во фракийском тезаурусе Д. Дечева, я цитирую по работе [Georgiev 1975, с. 34], где он приводится со ссылкой на надписи из окрестностей Казанлыка.

⁴ Кстати, Л. А. Гиндин, приняв мою этимологию для dardhë и имени дарданцев, попытался — не очень внятно — соединить ее с гипотезой Йокля, толкуя о связи у *g'heg-d- значений 'ограждать' и 'колоть' [Гиндин, 1933, с. 19-20], что типологически не лишено правдоподобия, — ср. в славянском соотношении *gordъ : *žьrdъ или русск. *кол* : *частокол*.

прямой аналог к лит. *žaidininkas* ‘работник, батрак, садовник и т. п.’ либо же — ‘обитатель крепости, протогорода’ по типу серб.-хорв. *građanin* ‘житель крепости’, польск. *grodzianin, grodzanin* то же, *Grădăni*, название племени, братства и селения в Черногории [ЭССЯ. Т. VII, с. 36]. Если мною правильно восстановлена семантика прабалканского прообраза *dardhë*, то этот язык с его соотношением *garth,-dhi* ‘ограда’ : *dardhë* исконно — ‘колючая изгородь’ оказывается в ряду с балтийскими и славянскими языками, использующими такие семантически частично дифференцированные дублиеты как слав. **gordъ* : **zordъ*, лит. *gařdas* : *žãrdas* ‘изгородь, загон, стойло’, *žãrdis*. Уже в 1987 г. я писал о том, что подобное понимание албанских фактов не только давало бы неплохое истолкование для др.-балк. *Δαρδάριοι*, но вторило бы и гомеровской версии мифа о Дардане как строителе первого поселения в Троаде на склоне Иды еще до основания Илиона (II. XX, 216 сл.) [Цымбурский 1987, с. 6-7].

И все равно с именем троянских дарданцев обнаруживаются большие сложности. В поле зрения греков и римлян дарданцы Балкан попадают лишь с 280-х гг. до н. э. (в связи с войнами Лисиппа против пеонийцев и нашествием галатов), особенно же в нем закрепляются при последующих Антигонидях и в эпоху Македонских войн Рима (Polyaen. IV, 12, 3; Liv. XXXI, 43; XLV, 29; Just. XXIV, 4, 9). До того времени этот народ был от античного мира как бы наглухо скрыт в континентальной глубинке племенными массивами пеонийцев (для Гомера Акси́й — сугубо пеонийская река, II. II, 849-850; XVI, 288; XXI, 141, 157-158), а позднее — также и крепнущих македонцев, с коими в окрестностях Лихнитиды сосуществовали бригаи (*Βρίγες, Βρύγες, Βρύγοι*), балканские остатки продвинувшихся основной массой в Анатолию фригийцев (Hdt. VII, 73; Strab. VII, фр. 25; St. Byz. s. v. Βρυγία). Напрашивается мысль, что между эгейскими дарданцами, к концу XIV в. до н. э. уже осевшими в Анатолии, и их балканскими тезками некогда могла существовать связь, оборванная наползанием ранних македонских, фригийских и пеонийских племен, отодвинувших дарданцев на Балканах от моря и закрывших им выход к Эгеиде.

В пользу этой идеи мог бы говорить миф, дающий троянскому Дардану в жены героиню с именем Βατίεα (Ard. III, 12, 1; St. Byz. s. v.), определенно указующим в сторону центральных и северных Балкан, а также индоевропейской Alt-Europa: ср. *Vato, Βάθωι*, имя в иллирийских областях и в балканской Дардании, *Vateia*, иллирийское женское имя, сюда же галльск. *Vatus*, др.-в.-нем. *Batto* < **bhat-* ‘бить, колоть’, ср. слав. **batati*, «бить», галльск. *andabata* ‘гладиатор’, лат. (< галльск.) *battuere* ‘биться’, дат. *bad* ‘битва’ [Mayer 1957, с. 80-82; Mayer 1959, с. 20-21; Pokorny 1959, с. 112]⁵. Учтя, что субстратные формы от той же основы вошли в греческую

⁵ Если трактовать эту основу как простой корень *bhat-* (сюда же лат. *fatuus* ‘безумный’, буквально ‘ударенный’ или ‘подстрекаемый, будоражимый’), то такой корень придется рассматривать как аномальный и вокализмом и сочетанием придыхательного со смычным, относя этот казус на счет его “ономатопейности” [ЭССЯ. Т. I, с. 164-165] — ср. попытку А. Майера усмотреть здесь архаический вариант “правильного” **bhodh-* ‘колоть, бодать’ [Mayer 1959, с. 21]. Но не увидеть ли здесь фонетически допустимую расширенную основу **bhN₂-t-*? Тогда восстанавливаемое Майером (там же) для приведенных древнеевропейских имен значение “Kämpfer, Streiter” открывает, кстати, интересную возможность объяснения неясного греч. *φῶς, φωτός* ‘герой, воитель, муж’ < **bhoN₂-t-* ‘боец’. Это едва ли хуже попытки возведения *φῶς* как обозначения для «человека говорящего» к и.-е. **bheN₂-* «говорить, звучать», греч. *φῆμί, φωνή* и т.д. [Dettori 2007].

мифологию (Βάτων — возница Амфиарая, по Paus. II, 23, 2; Βατεία — мать Тиндарея, согласно Apd. III, 10, 4), а также в зоо- и фитонимику (βάτος, βατία ‘рыба скат’, ‘колючее растение, ежевика’ < ‘стрекало, острие’), в именах фольклорных супругов Дардана и Батиеи можно бы видеть следы ранних балканских связей Трояды, перекрытых македоно-бригийским и пеонийским продвижением в будущее места исторического обитания, — вероятно, состоящим в связи и с расселением ранних греков по Балканскому полуострову. О последнем говорят и близость древнемакедонского к греческому, но с архаичным отражением придыхательных как звонких, и доказанные в 1980-х, особенно Г. Нойманном [Neumann 1988], ближайшие греческие связи фригийского (для обзора см.: [Гиндин–Цымбурский 1995, с. 25-28])⁶. Языковая принадлежность пеонийцев неясна из-за скудости материала. Тесное их соседство с македонцами и бригами побудило О. Н. Трубачева и Л. А. Гиндина, с оглядкой на греко-армянскую близость в морфологии и словаре, соотнести пеонийские этнонимы Παί-ονες, Παί-όπλαι с самоназванием армян haу-k’ [Трубачев 1991, с. 225; Гиндин 1993, с. 84]. В пользу этой догадки ее авторы выдвинули одну интереснейшую изоглоссу — пеонийский гидроним Ἐρίγῳι, совр. Црна “Черная река” ~ арм. erek ‘вечер, сумерки’, сюда же греч. ἔρεβος ‘тьма’ < *ereg^wo-. Эта изоглосса не только противопоставляет вариант с протетическим гласным таким формам, как гот. rīqis ‘мрак’ и др.-инд. rājas то же, но кроме того, в кругу форм с протезой дополнительно объединяет пеонийский и армянский рефлекс как сатемные, в отличие от кентумного греческого⁷.

Позволю себе поставить вопрос: нельзя ли соотнести разделение двух групп дарданцев с накатом на Балканы той миграционной волны второй половины III тыс. до н. э., которую М. Гимбутас квалифицировала как “Курганную волну IV”, зародившуюся между Днепром и Северным Кавказом и с которой часто связывается приход прагреков на их историческую балканскую родину [Gimbutas 1974; Hammond 1974]? В века, предшествующие этой волне, юго-восточная Македония раннего бронзового века, включая низовья Вардара, характеризуется преобладающими культурными связями с Троей и прилегающими к ней областями Северо-Западной Анатолии [Hammond 1972, с. 234]. Земли же будущей Дардании в это время охвачены культурой Бубани-Хум I, распространяющейся к югу из долины Моравы [Hammond 1972, с. 218, 225, 238] и синхронизирующейся с баденской культурой Средней и Юго-Восточной Европы [Гарашанин 1973, с. 205-207], то есть с генерацией “Курганной волны III”, по Гимбутас. Таким образом, в бассейне Вардара в пору ранней бронзы встречаются два этнокультурных комплекса: один, ориентированный на Троию, и к северу от него другой, примыкающий к

⁶ “Сестринская”, по оценке Нойманна, связь греческого и фригийского делает крайне маловероятной гипотезу о позднем прорыве бригов из Средней Европы в Македонию — якобы в XII–XI в. до н. э. в качестве появляющейся здесь в ту пору группы носителей лужицкой культуры [Hammond 1972, с. 305]. Если исходить из лингвистических критериев, носители прафригийского языка должны были появиться на Северных Балканах одновременно с прагреками и прамакедонцами — как участники той же миграции из Причерноморья.

⁷ Явно родственное пеонийскому гидрониму название р. Ἐρίγῳις (по Страбону VII, фр. 48 также Ἐρίγῳι) в долине Гебра, как и имя обитавшего в том же регионе этноса Παίτοι могут свидетельствовать о движении лингвистических предков пеонийцев в будущее места обитания через Восточную Фракию, где от них откололась группа соплеменников [Цымбурский 1996, с. 281].

"индоевропеизирующемуся" континентальному пространству от верховьев Дуная до западного Прикарпатья. Ближе к концу III тыс. до н. э. на гребне "Курганной волны IV" наследница культуры Бубани-Хум I — Бубани-Хум II — вдруг оказывается отмечена характерной "минийской" керамикой, имитирующей драгоценные металлы и примерно тогда же обнаруживающейся в Лерне, куда, похоже, прорвалась ранняя группа прагреков. Позже эта керамика широко обнаруживается в среднеэлладской Греции II тыс. до н. э. [Hammond 1972, с. 240; Гарашанин 1973, с. 189, 200] и в Трое VI, где такая посуда со времен К. Блегена и молодого Дж. Меллаарта часто расценивается как показатель культурного переворота, обратившего этот город к миру греков (обзор большой археологической дискуссии по этому поводу см. в статье [Гиндин-Цымбурский 1994]). Н. Хаммонд доказывал, что под давлением носителей комплекса Бубани-Хум II и неких самобытных пришлых племен, утверждающихся на землях позднейшей Пеонии (не предки ли пеонийцев и фригийцев-бригов?), достигшие южной Македонии прагреки начинают дрейф в Эпир к Адриатике и на юг, собственно в Грецию, тогда как родственные им прамакедонцы остаются на севере, закрепляясь в долине Галиакмона, на македонском юго-востоке [Hammond 1972, с. 248-272; Hammond 1974]. Не отражает ли вся эта археологическая панорама обстоятельств, при которых дарданцы Балкан были оттерты от моря и утратили связь с Эгеидой? Не отождествить ли "общедарданскую" эпоху с "*протроянским*" раннебронзовым веком на нижнем Вардаре и Галиакмоне?

Но каким образом такое предположение можно было бы связать с албанской перспективой, в которую лингвистический комментарий обычно помещает имя дарданцев из долины Моравы? Напомню, что концепции албанского этногенеза, отталкивающиеся от обильных албано-румынских изоглосс — недооцениваемых приверженцами "иллирийского тезиса", — именно Дардании обычно отводят роль пространства, где праалбанский этнос к началу I тыс. н. э. мог пережить первичное становление до движения в собственно иллирийские области. Таковы и версия Г. Райхенкрона о Дардании — прародине албанцев, откуда часть ранних обитателей якобы позднее откочевала к Дунаю и наряду с романизированными дако-мизийцами включилась в этногенез румын [Reichenkron 1960]; и версия В. Георгиева, полагавшего в дарданцах Балкан просто западную ветвь дако-мизийцев, непосредственно развившуюся в ранних албанцев на территории, условно ограничиваемой пунктами Ниш – София – Скопье [Георгиев 1977, с. 213-215] (ср. также [Ködderitzsch 1988]). При этом Георгиев, помимо прочего, опирался на археологические доводы М. Гарашанина, отстаивавшего непрерывность этнокультурного развития долины Моравы в бронзовом и железном веке и культурную ориентацию племен этой области скорее на балкано-карпатский (дако-мизийский) регион, а не на собственно-иллирийское или фракийское пространства [Garašanin 1958; 1974]⁸. В албанскую перспективу имя и судьба позднеантичных дарданцев встраиваются неплохо. А вот с эгео-троянской ретроспективой дело обстоит сложнее, и именно по лингвистическим соображениям.

К сожалению, о языке балканских дарданцев мы знаем ничтожно мало. По существу, для него устанавливается лишь одна фонетическая деталь в области вокализма. Из трех дошедших до нас глосс, передающих названия некоторых растений в этом языке – $\alpha\lambda\omicron\upsilon\acute{\iota}\tau\iota\varsigma$ «горечавка», $\sigma\omega\lambda\iota\acute{\iota}\tau\iota\varsigma$ «кирказон, *Aristolochia rotunda*» (Diosc. III, 3, 4), *saccalia* обозначение какого-то горного растения (Ps. Apul. 8) [Parazoglu 1969, с.167] – наибольший интерес представляет первая, $\alpha\lambda\omicron\upsilon\acute{\iota}\tau\iota\varsigma$. Поскольку диграф *oi* в римско-эллинистическое время мог передавать огубленный передний гласный (ср. греч. *Μοισοί* = *Μυσοί*, т.е., имя жителей северо-балканского региона Мезии, лат. *Moesia*, название которого генетически тождественно именованию области *Μυσία* на северо-западе Малой Азии), правдоподобно выявляется форма [alüti-] как термин для растения, содержащего горькие вещества (т.н. горечи) и используемого в приготовлении лечебных отваров, ликеров и т.д. Это название надежно возводимо к и.-е. *alu- «горечь», «пиво, мед», «квасцы»: ср. греч. $\alpha\lambda\acute{\upsilon}\delta(\omicron)\upsilon\tau\omicron\nu$. $\tau\upsilon\kappa\rho\nu$ $\tau\alpha\rho\alpha$ $\Sigma\acute{\omega}\phi\rho\nu\tau\iota$ «нечто горькое у Софрона (комедиографа – В.Ц.)» (Hes.), лит. *alùs* «пиво», «квасцы», др.-прусск. *alu* «горький мед», слав. *olъ «брага, пиво, мед», др.-англ. *ealu(d)* «пиво, попойка», *ol* то же, лат. *alūmen* «квасцы», *alūta* «кожа, обработанная квасцами» [Pokorný 1959, с.83-84] (см. там же особо о названиях горьких растений со специфическим удлинением начального гласного – др.-инд. *āluh*, *ālukaṁ* «чеснок», лат. *ālum*, *ālīum* то же, кроме того *ālum* «окопник»). Получается, что в дарданском имел место переход *u в передний гласный. Только неясно, состоялся ли он по греческому типу, где в такой гласный развивается любое *u, как долгое, так и краткое, - или по албанскому, где краткое *u сохраняется (*dru* «дерево» < **druwos*, *gjumë* «сон» < **supnos*), а долгое ū, в том числе в латинских заимствованиях, переходит в ü (y), которое далее, в конечном слоге дает i (*dyll(ë)* «воск» < **g'hūlo-*, *fryt* «плод» < лат. *frūctus*, *shqyt* «щит» < лат. *scūtum*; *thi* «свинья» < **sūs*, *tī* < **tū* «ты», *mī* < **mūs* «мышь»). Как уже сказано, этот переход - единственное, что мы констатируем для дарданской фонетики.

Можно ли думать, чтобы личное имя индоевропейского происхождения в XIV–XIII вв. до н. э. отражало этимологический *g'h в виде зубного смычного? Если объяснять разделение двух групп дарданцев раскесшим их вторжением на северо-запад Эгеиды носителей прагреко-македонских, прафригийских и прапеонийских (праармянских?) диалектов, то такой “общедарданский” рефлекс палатального пришлось бы сдвинуть в III тыс. до н. э., либо, по крайней мере, допустить для той эпохи звукотип, который мог бы в дальнейшем одинаково дать зубной звук в общем имени разошедшихся этносов. Но предположим, дарданцы попали в Анатолию лишь с запозданием - в XIV в. до н. э., будучи тогда же оторваны от балканской родни из северных долин Вардара дрейфом своих соседей — прафригийцев и, может быть, праармян, которые позже заполняют в XII–XI вв. малоазийский полуостров под отраженным в ассирийских источниках именем “мушков”, то есть “мисийцев”⁹. Все

⁸ Впрочем, насчет проникновения иллирийских племен в железном веке с запада в Македонию и будущий район Косово см. [Garašanin 1974, с. 123-125].

⁹ Одной из примет того, что переселение “мушков” могло начаться задолго до крушения Хеттской империи, может быть имя царька, правившего во второй половине XIV в. до н. э. в Стране реки Сеха,

равно мы обречены проецировать, если не на III, то на II тыс. до н. э. любую этимологию дарданского этнонима, приписывающую ему отражение палатального в виде зубного смычного. Иными словами, рассматривать этот рефлекс как современный уже хеттской фиксации миттанийских индо-иранских имен и апеллативов, дающей нам первые *достоверно* сатемные отражения индоевропейских палатальных в таких основах, как миттан. -zana (Biriya-zana) = др.-инд. jana 'род', -waza (Šat-waza) = др.-инд. vāja 'сила, награда', как миттан. wašana «ездовая дорожка, стадион», ср. др.-инд. vah- «везти», vaha, vahana «повозка» [Mayrhofer 1959, с. 86; Гиндин 1972, с. 289-290] и др. Конечно, для средне- и новоегипетского широко известны случаи отождествления аффрикат \underline{d} , \underline{t} со смычными d, t [Vergote 1945, с. 36; Korostovtsev 1974, с. 13]. И однако, если в тех же кадешских надписях видим рядом с drdnyu написание irtw = хет. Arzawa и qdwdn' = хет. Kizzuwatna [Gardiner 1960, с. 57-58], мы вынуждены признать: имея возможность отличить при записи иноязычных имен виды зубной артикуляции, отличающиеся от простой смычной, египтяне в случае с именем дарданцев не нашли в том надобности. Они вычитывали в нем смычный.

В середине 1950-х Т. Барроу, исходя из кафирских форм вроде duš 'десять' < *dek'm и из обычного древнеперсидского отражения и.-е. *k', *g', *g'h через θ, d (др.-перс. θard 'год' = авест. sard, др.-инд. çarad; др.-перс. yad- 'жертвовать' = авест. yaz-, др.-инд. yaj-; др.-перс. dasta 'рука' = авест. zasta, др.-инд. hasta), предположил для индоиранского состояния рефлексы индоевропейских палатальных в виде *d', *t', *dh' [Барроу 1976, с. 72]. За ним Вяч. Вс. Иванов высказал гипотезу об отражении палатальных в виде смычных в древнеперсидском и в албанском, а по некоторым позициям и в древнеиндийском (ср. др.-инд. viç - 'селение' < *wik', им. падеж ед. числа viṭ) как о наиболее архаичных и "аутентичных" передачах этих индоевропейских фонем [Иванов 1958]. При этом он ссылаясь и на фракийский. Но для реликтов этого языка подобный рефлекс надежно имеем лишь в основе *denta/u- 'род, племя' < *g'ento- (ср. Dentu-sucu 'Дочь Рода', Δευδου-πορις 'Сын Рода', Βεσσο-δευθης 'Родом из бессов'), где он может быть порожден ассимиляцией по соседству с сочетанием -nt-¹⁰. В иных случаях фракийские и дако-мизийские формы отражают палатальные как аффрикаты (или спиранты), см. во Фракии массу имен с элементом -ζεινης, -ζεινις < *g'enes, *g'eni- 'потомок' (Δια-ζεινις 'Потомок Небесного Бога', Επτε-ζεινις 'Потомок богини Эпты', Μουκα-ζεινις 'Потомок Рода'); фрак.

то есть на территории будущей Мисии к югу от Троады — Manapa-^dU, где последний компонент со значением "Бог Грозы" способен читаться Dattas или Tarhuntas [Laroche 1966, с. 112]. Элемент Manapa-, встречающийся также в имени из одной иероглифической надписи Manapatī [Laroche 1966, там же] не находит объяснения из хетто-лувийских языков (о написании Manpa-^dKAL в договоре Муватталиса с Алаксандусом из Вилусы как об описке вместо Manapa-^dU см. [Heinhold-Krahmer 1977, с. 156; Гиндин-Цымбурский 1996, с. 106]). Исходя из обычного для древней Анатолии представления быка в качестве священного животного Бога Грозы [Герни, 1987, с. 121] (ср. параллели в Эгееде, где бык мог выступать воплощением Зевса), заманчиво сопоставить основу Manapa- с термином μόρατος, приводимым в Ps.-Arist. Mir. I как пеонийская глосса для "дикого быка", "тура". И так, в дни Мурсила II и Муватталиса II, когда для Анатолии свидетельствуется присутствие носителей дарданского имени, на территории античной Мисии осуществлял власть человек, чье имя ("Бык – Бог Грозы") может быть объяснено из пеонийских языковых реликтов.

¹⁰ Фракийские формы даются по тезаурусу [Detschew 1976].

ζήλας, ζελάς, ζίλαι ‘вино’ < и.-е. *g'helo-/ *g'hjo-, др.-инд. halā ‘пьянящий напиток’, греч. χάλις ‘несмешанное вино’, слав. *zelje; фрак. ζαλμός ‘шкура’ < и.-е. *k'olmo- ‘защита’, др.-инд. śárgan; дако-мис. Ζάλδ-απα ‘Золотая Вода’ с первым элементом из *g'hol-to- ‘желтый, золотой’ и т. д.¹¹. Кстати, в совместном труде с Т. В. Гамкрелидзе, Иванов отошел от прежней своей гипотезы, трактуя древнеперсидское и албанское развитие как оригинальный путь вторичной “деаффрикатизации” аффрикат, возникших из палатальных [Гамкрелидзе–Иванов 1984, с. 109].

Итак, если мы принимаем этимологию Δαρδάνιοι ~ алб. dardhë < *g'hordā, мы могли бы возвратиться к мысли Иванова об албанском смычном d- на месте палатального *g'h- как о глубоком архаизме, косвенно отражающем состояние до перехода палатальных в аффрикаты. Либо отнести (пра)албанскую деаффрикатизацию *dž- > d- ко II тыс. до н. э. Либо предполагать в Δαρδάνιοι, егип. dṛdny раннюю диалектную ассимиляцию начальной фонемы последующему -(r)d-, совпавшую по результатам с будущим нормальным развитием той же основы в албанском, но значительно опередившую это развитие. Все это выглядит очень зыбко как любые догадки ad hoc, хотя первое объяснение и смотрится “красивее” двух других. Но если мы отвергаем конструкцию, обрисованную в первой половине работы, спрашивается, в каком звене или звеньях мы решимся разорвать ее цепь? Ведь мы ничего не выиграем, оспаривая связь dardhë с обозначением ‘ограды’ или с ἄχερδος, или даже с тем и другим вместе, пока будем, как Чабей и Орел выдвигать альтернативные этимологии dardhë с предполагаемым палатальным в той или другой позиции, — а иных этимологий пока не видно. Должны ли мы отвергнуть родство алб. dardhë и т. д. с древними племенными именами и топонимами вроде Δαρδάνιοι, Δαρδά-пара на смежной территории, куда могут уходить истоки албанского этно- и лингвогенеза (ср. “албанское” развитие названия главного дарданского города Ναϊσσός, Navissum > совр. Ниш с падением предударного гласного и т. д. [Георгиев 1977, с. 214])? Или в отчаянии вовсе объявить идентичность этнонимов балканских и эгео-тройских дарданцев такой же “сиреной созвучия” как мнимые переключки обоих с именами индийских **дардов** либо курдистанских **дарданеев** Геродота (I, 189)? Эта множественность спорных (“плохих”) решений и составляет то, что я зову “дарданской загадкой” палеобалканистики. Явный пространственно-временной континуум данных ведет к очень “странным” результатам, но нет оснований для того, чтобы уверенно назвать этот континуум фикцией в том или ином его конкретном пункте.

Историческое соотношение между праалбанцами и обитателями Дардании в железном веке, а в более глубокой временной дали соотношение между этими

¹¹ Особый случай — приводимые с массой разночтений дакийские названия растений в списках трудов Псевдо-Апулея и Диоскорида, где наряду с терминами, содержащими элемент -ζήλα, -zila (μίζήλα, usazila) < *g'helā ‘зелень, трава’ встречаем множество образований с исходом на -δηλα, -dila и т. п. (δουώδηλα или diodela, προπόδιλα и т. д.), иногда рассматриваемых как вариант передачи той же основы [Калужская 2001, с. 133-134], — гипотеза привлекательная, но небеспорная, ср. [Detschew 1976, с. 561], где дак. -dila сближается с греч. θαλλός ‘отпрыск, побег’. Едва ли права Калужская, отбрасывая такую возможность только потому, что -dila и -zila выступают в сходной позиции.

античными дарданцами и древними уроженцами Македонии эпохи ранней бронзы — как носителями культуры Бубани-Хум I в бассейнах Моравы и Вардара и на соседних македонских землях, так и обитателями поселений, культурно тяготеющих в своих внешних связях к раннебронзовой Трое — вот те "большие контексты", обсуждение которых стимулирует дарданская загадка, но которые сами по себе не преуказывают ее решения.

ЛИТЕРАТУРА

- Барроу 1976 = Барроу Т. Санскрит. М., 1976.
- Гамкрелидзе–Иванов 1984 = Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. I. Тбилиси, 1984.
- Гарашанин 1973 = Гарашанин М. Праисторија на тлу СР Србије Т. I. Београд, 1973.
- Георгиев 1977 = Георгиев В. Траките и техният език. София, 1977.
- Герни 1987 = Герни О. Хетты. М., 1987.
- Гиндин 1972 = Гиндин Л. А. Некоторые ареальные характеристики хеттского. I. – *Этимология* 1970. М., 1972.
- Гиндин 1993 = Гиндин Л. А. Население гомеровской Трои. М., 1993.
- Гиндин–Цымбурский 1994 = Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л. Прагреки в Трое. // *Вестник древней истории*, 1994, № 4.
- Гиндин–Цымбурский 1995 = Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л. Троя и "Пра-Аххиява". // *Вестник древней истории*, 1995, № 3.
- Гиндин–Цымбурский 1996 = Гиндин Л. А., Цымбурский В. Л. Гомер и история Восточного Средиземноморья. М., 1996.
- Дьяконов 1980 = Дьяконов И. М. Примечания к ст.: Хаас О. Памятники фригийского языка. // *Древние языки Малой Азии*. М., 1980.
- Иванов 1958 = Иванов Вяч. Вс. Проблема языков centum и satem. // *Вопросы языкознания*, 1958, № 4.
- Калужская 2001 = Калужская И. А. Палеобалканские реликты в современных балканских языках. М., 2001.
- Николаев 1985 = Николаев С. А. Северокавказские заимствования в хеттском и древнегреческом. // *Древняя Анатолия*. М., 1985.
- Орел 1983 = Орел В. Э. Вопросы сравнительно-исторической грамматики албанского языка. // *Славянское и балканское языкознание. Проблемы языковых контактов*. М., 1983.
- Орел 1989 = Орел В. Э. Балканские этимологии. 115. Алб. dardhë. // *Этимология 1986-1987*. М., 1989.
- Топоров 1984 = Топоров В. Н. Прусский язык. Т. IV. М., 1984.
- Трубачев 1991 = Трубачев О. Н. Этногенез славян и индоевропейская проблема. // *Terra antiqua balcanica*. VI. София, 1991.
- Фасмер 1967 = Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Т. 2. М., 1967.
- Цымбурский 1987 = Цымбурский В. Л. Гомеровский эпос и этногенез Северо-Западной Анатолии. АКД. М., 1987.

Цымбурский 1996 = Цымбурский В. Л. Гомеровский эпос и легендарная традиция Анатолии. //Азия — диалог цивилизаций. СПб., 1996.

ЭССЯ = Этимологический словарь славянских языков. Т. I – М., 1974–.

Bugge 1892 = Bugge S. Beiträge zur etymologischen Erläuterung der albanesischen Sprache. //Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen. Bd. 18. 1892.

Çabej 1977 = Çabej E. Emri i Dardhanisë dhe izoglosat shqiptaro-kelte. //Çabej E. Studime gjuhësore. T. IV. Prishtinë, 1977.

Detschew 1976 = Detschew D. Die thrakische Sprachreste. Wien, 1976.

Dettoni 2007 = Dettoni E. Una proposta etimologica per gr. φός //Индоевропейское языкознание и классическая филология – XI: Материалы чтений, посвященных памяти проф. И.М.Тронского. СПб 2007.

Fraenkel 1965 = Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 2. Heidelberg, 1965.

Frisk 1960 = Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1. Heidelberg, 1960.

Garašanin 1958 = Garašanin M. Contribution à la connaissance de la civilisation des Dardaniens à l' époque de la Tène. //Živa Antika, VIII, 1958.

Garašanin 1974 = Garašanin M. Ethnographic problems of the Bronze Age in the Central Balkan peninsula and neighbouring regions. //Bronze Age Migrations in the Aegean. Park Ridge, 1974.

Gardiner 1960 = Gardiner A. The Kadesh Inscriptions of Ramesses II. Oxford, 1960.

Garstang–Gurney 1959 = Garstang J., Gurney O. The Geography of the Hittite Empire. L., 1959.

Georgiev 1975 = Georgiev V. Die thrakischen Götternamen. Ein Beitrag zur Religion der alten Thraker. //Linguistique balkanique, XVIII, 1, 1975.

Gimbutas 1974 = Gimbutas M. The destruction of Aegean and Mediterranean urban civilisation around 2300 B. C. //Bronze Age Migrations in the Aegean. Park Ridge, 1974.

Hammond 1972 = Hammond N. G. L. A history of Macedonia. Vol. I. Oxford, 1972.

Hammond 1974 = Hammond N. G. L. Grave Circles in Albania and Macedonia. //Bronze Age Migrations in the Aegean. Park Ridge, 1974.

Heinhold-Krahmer 1977 = Heinhold-Krahmer S. Arzawa. Heidelberg, 1977.

Ködderitzsch 1985 = Ködderitzsch R. Brygisch, Paönisch, Makedonisch. //Linguistique balkanique, XXVIII, 4, 1985.

Ködderitzsch 1988 = Ködderitzsch R. Gedanken zur Ethnogenese der Albaner (aus sprachliche Sicht). // Linguistique balkanique, 1988, XXXI, 3-4.

Korostovtsev 1974 = Korostovtsev M. Grammaire du neo-egyptien. M., 1974.

Kretschmer 1896 = Kretschmer P. Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache. Göttingen, 1896.

Laroche 1966 = Laroche E. Les noms des Hittites. P., 1966.

Mann 1948 = Mann S. E. An historical Albanian-English Dictionary. L., 1948.

Mann 1952 = Mann S. E. The Indo-European consonants in Albanian. //Language, 28, 1952.

Mayer 1957-1959 = Mayer A. Die Sprache der alten Illyrier. Bd. I-II. Wien, 1957-1959.

Mayrhofer 1959 = Mayrhofer M. Zu den arischen Sprachresten in Vorderasien. //Die Sprache, V, 1959.

Meyer 1891 = Meyer G. Etymologisches Wörterbuch der albanischen Sprache. Strassburg, 1891.

Neumann 1988 = Neumann G. Phrygisch und Griechisch. Wien, 1988.

Papazoglu 1969 = Papazoglu F. Srednjobalkanska plemena u predrimaska doba (Triballi, Autoriati, Dardanci, Scordisci I Mezi). Sarajevo, 1969.

Pokorny 1959 = Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I. Bern-München, 1959.

Reichenkron 1960 = Reichenkron G. Albanisch-rumänisch-armenische Gleichungen (Fortsetzung). //Romanistisches Jahrbuch, 11, 1960.

Tomaschek 1980 = Tomaschek W. Die alten Thraker. Eine ethymologische Untersuchung. Wien, 1980 (paginatio varia).

Vergote 1945 = Vergote J. Phonetique historique de l' Egyptien. Les consonnes. Louvaine, 1945.